

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-307-318>

<https://elibrary.ru/SERWGX>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

А.А. Пауткин

ЛЕТОПИСНОЕ ИЗВЕСТИЕ О КНИЖНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬКОВИЧА ВОЛЫНСКОГО (ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ)

Аннотация: В статье рассматривается заключительный фрагмент по- смертной похвалы Владимиру Васильковичу Волынскому, содержащий уникальные сведения о создании рукописных книг по заказу и при лич- ном участии князя. Этот текст читается в составе Хлебниковского спи- ска Ипатьевской летописи, сохранившего ряд особенностей протографа. Обращение к данному компоненту повествования о правлении князя- философа позволяет не только оценить характер деятельности местного скриптория и состояние прикладного искусства региона, пережившего неоднократные татарские набеги. География книжных вкладов свидетель- ствует о последовательном стремлении утвердить Владимир-Волынский в качестве духовного центра юга Руси. Церковно-устроительная деятель- ность становится важным аспектом политики в условиях нового дробле- ния юго-западных земель и нарастающих внешних угроз. Анализируемый материал позволяет внести ряд уточнений, касающихся места написания похвалы и личности ее создателя. Детальный рассказ о книжной и про- светительской деятельности волынского князя способствует пониманию ценностных ориентиров и идейной направленности всего волынского свода конца XIII в.

Ключевые слова: Волынская летопись, Владимир Василькович, книж- ность, похвала, Евсевий Памфил, Владимир-Волынский, скрипторий.

Alexey A. Pautkin

CHRONICLE NEWS ABOUT THE SCRIPTORIUM ACTIVITY OF VLADIMIR VASILKOVICH VOLYNSKY (ATTEMPTION OF READING)

Abstract: The article considers the final fragment of posthumous praise of Vladimir Vasilkovich Volynsky, which contains unique information about the creation of handwritten books by order and with personal participation of the prince. This text is read as part of Khlebnikov list of the Ipatiev Chronicle,

which has preserved a number of features of the protograph. Turning to this component of narrative about the reign of prince-philosopher allows us not only to evaluate the nature of activities of the local scriptorium and state of applied art in the region, which has experienced repeated Tatar raids. The geography of book donations testifies to the consistent desire to establish Vladimir-Volynsky as a spiritual center of Russia south. Church-organizing activity is becoming an important aspect of politics in the context of a new fragmentation of the south-western lands and increasing external threats. The analyzed material allows us to make a number of clarifications concerning the place of writing praise and personality of its creator. A detailed story about the book-writing and educational activities of Volyn prince contributes to the understanding of value guidelines and ideological orientation of the entire Volyn code of the end of the 13th century.

Keywords: Volyn Chronicle, Vladimir Vasilkovich, bookishness, praise, Eusebius Pamphilus, Vladimir-Volynsky, scriptorium.

Летописное повествование о правлении Владимира Васильковича завершается редкой по объему и литературным достоинствам похвалой. Интересующий нас текст содержит уникальную характеристику книжной деятельности волынского князя. Это финальный фрагмент некролога. Он отсутствует в Ипатьевском списке и при публикации Галицко-Волынской летописи печатается по более позднему Хлебниковскому. В Погодинском списке текст обрывается в результате утраты и путаницы листов.

Среди правителей своего времени волынский князь выделялся не только образованностью, знанием сакральных текстов, но и личным участием в переписывании книг. Едва ли он сам руководил работой местного скриптория. С полной уверенностью можно говорить о нем как о вдохновителе и заказчике, а также отметить его смиренное приобщение к труду рядового писца. Показательно, что все это происходит во второй половине XIII в., в эпоху трагических утрат и разорения многих центров Руси.

Все пергаменные книги, упоминаемые в похвале, представляют собой вклады в храмы и монастыри. Рукописей светского характера среди них нет. Это Евангелия апракос, Апостолы апракос, Пролог, Триодь, Октоихи, Ирмологии, Паремийник, молитвенник и служебники. По словам летописца, в церковь города Бельска были переданы книги вообще, без указания их наименований. Видимо, подразумевается пол-

ный набор богослужебных книг. Сама по себе предложенная летописцем информация ценна не только проработкой деталей. Обратимся к не столь явным сторонам и смыслам заключительной части некрологической похвалы. Прежде всего показательна география книжных вкладов. Это и Владимир-Волынский, и другие города, древние и новые, находящиеся подчас на значительном удалении. Автор похвалы называет Каменец, Берестье, Любомль, Луцк, Белз, Перемышль. Среди центров, куда были отправлены книги, неожиданно упоминается Чернигов. Это наиболее удаленный пункт путешествий рукописей, создававшихся на Волыни. Поступки князя следует рассматривать как церковно-устроительную деятельность, но ведь речь идет не только о подвластных ему землях. Так, Перемышль — владение двоюродного племянника Владимира Васильковича — Юрия Львовича, который в финальной части Волынской летописи показан как конфликтный и алчный молодой князь, не считающийся с авторитетом большого стряпа и его законного наследника Мстислава Даниловича. Книжник подробно излагает события, связанные с противоправным захватом Юрием Берестья и последовавшим за этим его позорным изгнанием («Поѣха Юри вонъ из города с великимъ соромомъ пограбивъ все дома стряпа своего и не всташа камень на камени...» [12, стб. 931]). Вспомним, что это время, когда Киевский митрополит Максим, преемник Кирилла II (после 1283 г.) еще скитается по разным городам, но чаще живет во Владимире-на-Клязьме¹. На рубеже веков именно Юрий Львович будет стремиться к созданию Галицкой митрополии. Уже в 1303 г. несколько епархий Галицко-Волынской Руси образуют независимую от Владимира-на-Клязьме митрополию во главе с Нифонтом. Значит, перед нами конкретное отражение определенного этапа борьбы за утверждение церковного лидерства Владимира-Волынского на юге Руси, включая разоренное Поднепровье. Историк В.Т. Пашуто справедливо усматривал одну из целей составления волынского свода в «обосновании мысли, что центр Владимирской епископии — город Владимир-Волынский — является основным православным центром просвещения для всей юго-западной Руси» [5, с. 132].

Внимание к далекому Чернигову обусловлено еще и родственными связями. Жена Владимира Ольга Романовна — дочь Романа

¹ Окончательно он обоснуется на северо-востоке Руси в 1299 г.

Михайловича Брянского, старшего сына Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в Орде в 1246 г. После татарского погрома Брянск начинает играть ведущую роль в делах Чернигово-Северской земли, особенно в условиях литовской экспансии, а отношения с Литвой — одна из важнейших тем Волынской летописи. Кроме того, родная сестра Владимира, Ольга, была замужем за Андреем Всеволодовичем Черниговским, умершим в 1263 г.

Ценность летописных сведений об оформлении книг, изготовлявшихся по заказу князя, очевидна. Это яркое свидетельство высокого уровня книжной культуры и прикладного искусства вообще. Богатейшее убранство упоминаемых пергаменных кодексов говорит о существовании целой корпорации местных мастеров, разнообразии обработки материалов, вовлеченности в процесс представителей многих ремесел. Возможно, их число пополнялось выходцами из Поднепровья. Характер описания таков, что перед читателем раскрываются даже конкретные технологические моменты. А сам древнерусский автор попытался по-своему объединить в описании книг духовное и эстетическое начало («чюдно видениеи») [12, стб. 926].

Перечисление рукописей становилось поводом для неоднократных попыток оценить количественные результаты книжной деятельности князя. Применялись различные методики подсчета и коэффициенты, что приводило к серьезным расхождениям. И тем не менее кодикологические выкладки впечатляют. Так, Т.В. Ильина, исследовавшая декоративное оформление средневековых рукописей, полагала, что в летописи суммарно упоминаются 47 книг [1, с. 94]. Л.В. Столярова называет не менее 35 переписанных и купленных книг, разъясняя причины расхождения в оценках [7, с. 165]. Она не разделяет высказывавшееся ранее Б.В. Сапуновым мнение о существовании 12-томного Пролога. Исследователь оптимистично оценивал труды князя-книголюбца — не менее 50 книг. При этом, по мнению Б.В. Сапунова, «только в одну церковь Георгия в г. Любомле Владимир Василькович пожертвовал 34 книги» [6, с. 173]. Как бы там ни было, подобная деятельность была планомерной, продолжавшейся в течение ряда лет.

Как известно, в похвале Владимиру Васильковичу используются пространные фрагменты «Слова о Законе и Благодати». При этом риторические заимствования из Илариона приспособляются под

реалии XIII в. и биографию волынского правителя. Иногда нарушается исходная последовательность заимствованных периодов текста XI в., прославлявшего крестителя Руси (см.: [3, с. 45–58]). В.Н. Топоров в свое время обратил внимание на особую роль «аналогизирующего обращения» в «Слове» Илариона («подобниче», «равноумие», «равнохристолобие», «равночестителю служителемь его»). По мысли исследователя, здесь «отыскивается соответствующая парадигма (прецедент), без которого любые попытки канонизации потерпели бы неудачу» [8, с. 317]. Для создателя волынской похвалы тоже важен момент уподобления. Только он выстраивает свою «парадигму» княжеской святости, где прием уподобления связан уже с фигурой крестителя Руси. Деяния Владимира Васильковича выглядят скромнее, но с ним ассоциируется свет христианского книжного знания, мудрость и щедрость. Безымянный автор XIII в. словно бы стремился ответить на риторический вопрос Илариона: «**Како въсьелста въ тѣа разоумѣ въше разоумѣа землиныхъ мудрець?**» [13, с. 184].

Кажется, что в новом контексте должно утратить свое прежнее звучание развернутое сравнение крестителя Руси с римским императором Константином, а также слова Илариона о церковных диспутах и Никейском соборе. Но ведь в летописи настойчиво подчеркивается способность Владимира Васильковича вести беседы с епископами и игуменами «**о житїи света се҃го тлєнна҃го**». Князь-философ «**вѣк разоумѣа приатъчѣк и тємно слово, и повѣстивъ со епископомѣ много штѣ кни҃гъ занє вѣсть книжникъ великѣ**» [12, стб. 913]. Он «**глаголаше тасно штѣ кни҃гъ**» [12, стб. 921]. Словом, по мнению летописца, такого мудреца на Руси еще не было и не будет потом.

Автор похвалы нескромно сохранил Иларионово уподобление Константину, посягнув на сравнение своего героя с равноапостольными. В чем же дело? Как мог рассуждать волынянин? Возможно, ответ кроется именно в рассматриваемом фрагменте. В «Жизнеописании Константина», созданном отцом христианской историографии Евсевием Кессарийским, именуемым на Руси Евсевием Памфилом, 36 глава представляет собой «Письмо Константина к Евсевию о списывании божественных книг». Император Константин Великий около 331 г. пожелал снабдить книгами возводимые храмы. Василевс повелел, чтобы «опытные», «отлично знающие свое искусство писцы» изготовили «50 томов удобных для чтения божественных книг» [10,

с. 38]. Так и действует Владимир Василькович, рассылая книги по разным городам в эпоху многолетнего татарского погрома. Заметим, что имя Евсевия Памфила однажды прямо упоминается в Галицкой летописи в связи с авторскими рассуждениями о хронологии и приемах построения исторического повествования («...также **Евѣсѣвни** и **Памѣфильво** инни хронографи списаша...» [12, стб. 820]). Создатель этого пассажа обращался к сведущему, умудренному различными знаниями читателю («**учѣтѣни** **моудрѣни** **разоумѣетѣ**» [12, стб. 820]). Во Владимире-Волынском, безусловно, имелись дотошные книжные люди, которым так или иначе могли быть известны сочинения столь авторитетного христианского писателя. Интересно, что епископом в конце 80-х гг. XIII в. здесь был некий Евсигний или Евсевий, которого В.Т. Пашуто гипотетически считал организатором летописной работы.

Имеется и еще одно косвенное аналогизирующее обстоятельство. В Луцкую епархию отсылается особая реликвия: «**Кр(є)ть вели(к) сѣвѣра(н) позлотисть съ ч(є)тны(м) древо(м)**» [12, стб. 926], т. е. с частицей Древа Креста Господня. Книжнику, конечно, известно, что главные реликвии христианства обрела мать Константина Великого Елена. Выходит, в своем стремлении подчеркнуть, что в случае с Владимиром Васильковичем все обстоит «**такъ же достоитъ ц(а)р(є)мь**» [12, стб. 918], автор похвалы руководствовался не просто копируемым текстом Илариона, а погружался глубже к истокам христианской мысли. В связи с этим не исключено, что и подсчет книжной продукции местного скриптория, предложенный Б.В. Сапуновым, (пять десятков книг) недалек от истины.

Подробность описания оформления книг позволяет, помимо сведений о состоянии прикладного искусства, уточнить, где могла создаваться летописная похвала. Ее автор охарактеризовал не все рукописи. Материал, способ письма, приемы отделки переплета упоминаются только применительно к напрестольным Евангелиям. Все остальные книги лишь упоминаются. Перечень включает в себя восемь апракосных Евангелий. Два из них никак не охарактеризованы. Именно они остались во Владимире-Волынском, значит, их можно постоянно видеть, и нет надобности давать детальное описание. Это вклады в епископию и киторский монастырь Святых Апостолов. Иное дело вклады в дальние храмы и обители («**по всѣ(м) зѣмлям**» [12, стб. 927]),

находящиеся подчас в сотнях верст от стольного города (например, уже упоминавшиеся Перемышль или Чернигов).

Два наиболее подробных описания апракосных Евангелий относятся ко вкладам в провинциальную церковь Святого Георгия в городе Любомле и в Черниговскую епископию (последнее «золотѡ(и) писано а окованно сребрѡ(и) съ же(н)чюго(и) и сре(д) его Сп(а)са с финиито(и)» [12, стб. 926]). Что же касается Любомля, то это излюбленная резиденция Владимира Васильковича, где большой князь нередко укрывался от докучавших ему соседей и родственников. Здесь он и закончил свой земной путь. Возведенная им каменная церковь была особенно дорога князю. Он не жалел средств на ее обустройство. Однако при жизни Владимира не была еще закончена внутренняя роспись храма.

Создатель волынского панегирика использовал опыт своих предшественников, опирался на киевские образцы некрологов великокняжеского летописания XII в. Он знаком с различными топосами, характерными для жанра похвалы. Подчас заметны прямые заимствования целых фрагментов подобных текстов [4, с. 119–126]. При этом интересующая нас книжная составляющая не имеет аналогов ни в южнорусском летописании, ни в текстах, относящихся к другим регионам. Так, о Ярославе Мудром сообщается лишь, что князь «книгамъ прилежа почитага чаето», а собранные им писцы перевели с греческого и «списаша многы книгы» [12, стб. 139]. Другой правитель — Великий Владимиро-Суздальский князь Константин Всеволодович часто с прилежанием обращавшийся к книжному слову и творивший «все по писаному», создавал храмы просто «исполниага книгами и вса-кыми оукрашении» [11, стб. 443]. Оригинальность волынских известий бесспорна.

Храмовое строительство, неустанная забота о богатстве окладов икон, церковных интерьеров и утвари — устойчивый мотив княжеских некрологов. В характеристиках подобных щедрот благочестивых правителей обычно говорится о золоте, серебре, «финипте», «камени драгом» и «жемчуге бесценном». Например, в похвале Андрею Юрьевичу Боголюбскому только золото в различных контекстах упоминается более двух десятков раз [12, стб. 581–582]. Все это, как и традиционная перечислительность, присутствует в рассказе о богоугодной деятельности Владимира Васильковича. Вот только значительная часть отмеченных тут драгоценностей относится именно к оформ-

лению книг (вообще же золото и серебро при описании различных предметов, включая отделку изысканных тканей, упоминается здесь около тридцати раз). Примечательно, что на первый план выходит конкретика описания, а символическое значение определенных материалов, присущее средневековой культуре, проявляется не столь явно.

Удивительно, но в рассматриваемом летописном фрагменте ничего не говорится о еще одном аспекте книжной деятельности Владимира Васильковича. Сегодня известно: князь и его жена Ольга Романовна были заказчиками Номоканона (1287) [7, с. 160]. Едва ли факт составления во Владимире-Волынском Кормчей не соответствовал замыслу похвалы, стратегии ее создателей. Скорее всего, этот важный церковно-юридический документ создавался при епископской кафедре, а наш «самовидец» и проницательный знаток книжной продукции трудился в обители Святых Апостолов и не был причастен по своему положению к столь высоким сферам церковной политики. При этом, где как не в ктиторском монастыре, должны были знать, что именно князь «смигъ списавъ» и где положил «сѣборникъ великѣи ш(т)ца своѣго». А.С. Орлов предположительно видел в нем список «Изборника» Святослава 1073 г. [2, с. 29].

Перед нами своеобразное заключение древнего библиографа, четко разделяющего продукцию волынского скриптория по жанрам и предназначению в церковном обиходе. Автор осведомлен о происхождении каждой книги. Он различает рукописи, созданные по заказу Владимира и переписанные им самим, приобретенные на его средства (с указанием цены и прежнего владельца), а также книги из семейного собрания (например, упомянутый сборник, некогда принадлежавший Васильку Романовичу).

О близости повествователя к князю можно судить и по более раннему сообщению, помещенному под 1276 г. Владимир Василькович гадает, раскрыв Паремийник. Подобно своему предку, Владимиру Всеволодовичу Мономаху, обращавшемуся к Псалтири, он делает это в минуты глубоких раздумий. Однако, в отличие от Мономаха, который в «Поучении» сам поведал об этом частном эпизоде и своем душевном состоянии, поступок волынского князя зафиксирован летописцем, выступающим в роли биографа. Осведомленность в помыслах господина вовлекает его в процесс истолкования того, что

открылось в книгах пророческих. Пространное цитирование Книги пророка Исаии (61: 1–4) не только подтверждает правильность намерения заложить новый город Каменец, благоустроить земли, находившиеся в запустении со времен Романа Мстиславича на протяжении восьмидесяти лет. Так подчеркивается значение особой выпавшей на долю волынского правителя миссии по духовному возрождению юга Руси после десятилетий татарского порабощения. Возможно, здесь кроется смысл всей направленности летописного труда и основа стратегии построения образа князя, исцеляющего «скроушенъиу с(є)р(д)ц(є)ль», дающего «половеникомъ ѡ(т)поущєние», способного «оутѣшити вса плающагаста» [12, стб. 875].

В заключение напомним, что Хлебниковский список, относящийся к XVI в., сохранил более архаичный вид юго-западного исторического повествования. А.А. Шахматов подчеркивал, что Хлебниковская летопись, в отличие от Ипатьевской, в последней своей части «не имеет годов» и сохранила «в данном случае особенность своего протографа, стертую в Ипатьевской» [9, с. 605–606]. Видимо, в силу этого более «бережного» отношения к своеобразной манере историописания, сложившейся в Галицко-Волынской Руси, мы и располагаем неусеченным текстом похвалы Владимиру Васильковичу, позволяющим представить ускользающие детали замысла ее создателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Ильина Т.В.* Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII–XV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 174 с.
- 2 *Орлов А.С.* О Галицко-Волынском летописании // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1947. Т. 5. С. 15–35.
- 3 *Пауткин А.А.* Волынский летописец XIII в. и риторическое наследие митрополита Илариона // Литература Древней Руси: материалы X Всероссийской конференции «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева. Г. Москва, 6–7 декабря 2018 г.: сб. ст. М.: МПГУ, 2019. С. 45–58.
- 4 *Пауткин А.А.* К вопросу о летописных источниках похвалы Владимиру Васильковичу Волынскому // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 119–126.

- 5 Паушто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 333 с.
- 6 Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. Л.: Наука, 1978. 241 с.
- 7 Столярова Л.В., Каишанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 429 с.
- 8 Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. I: Первый век христианства на Руси. 873 с.
- 9 Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический проект, Жуковский: Кучково поле, 2001. 880 с.

Источники

- 10 Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М.: Labarum Посев, 1998. 352 с.
- 11 Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 496 с.
- 12 Ипатьевская летопись / ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 648 с.
- 13 Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати // Альманах библиофила. Вып. 26: Тысячелетие русской письменности и культуры (988–1988). М.: Книга, 1989. С. 154–226.

REFERENCES

- 1 Pina, T.V. *Dekorativnoe oformlenie drevnerusskikh knig. Novgorod i Pskov. XII–XV vv.* [*Decorative Design of Old Russian Books. Novgorod and Pskov. 12th–15th Centuries*]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1978. 174 p. (In Russian)
- 2 Orlov, A.S. “O Galitsko-Volynskom letopisanii” [“On the Galician-Volyn Chronicle”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 5. Leningrad, Nauka Publ., 1947, pp. 15–35. (In Russian)
- 3 Pautkin, A.A. “Volynskii letopisets XIII v. i ritoricheskoe nasledie mitropolita Ilariona” [“Volyn Chronicler of the 13th Century and the Rhetorical Legacy of Metropolitan Hilarion”]. *Literatura Drevnei Rusi: materialy X Vserossiiskoi konferentsii «Drevnerusskaia literatura i ee traditsii v literature Novogo vremeni», posviashchennoi pamiati professora Nikolaia Ivanovicha Prokof'eva. G. Moskva, 6–7 dekabria 2018 g.* [*Literature of Old Russia: Materials of the 10th All-Russian Conference “Old Russian Literature and Its Traditions in Modern Literature,” Dedicated to the Memory of Professor Nikolai Ivanovich Prokofiev. Moscow, December 6–7, 2018: Collection of Article*]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 45–58. (In Russian)
- 4 Pautkin, A.A. “K voprosu o letopisnykh istochnikakh pokhvaly Vladimiru Vasil'kovichu Volynskomu” [“To the Question of Chronicle Sources of Praise for Vladimir Vasil'kovich Volynsky”]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 3 (81), 2020, pp. 119–126. (In Russian)

- 5 Pashuto, V.T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi* [Essays on the History of Galician-Volyn Rus']. Moscow, AN SSSR Publ., 1950. 333 p. (In Russian)
- 6 Sapunov, B.V. *Kniga v Rossii v XI–XIII vv.* [Book in Russia in the 11th–13th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 241 p. (In Russian)
- 7 Stoliarova, L.V., Kashtanov, S.M. *Kniga v Drevnei Rusi (XI–XVI vv.)* [Book in Old Russia (11th–16th Centuries)]. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2010. 429 p. (In Russian)
- 8 Toporov, V.N. *Sviatost' i sviatye v russkoi dukhovnoi kul'ture* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture], vol. I: Pervyi vek khristianstva na Rusi [The First Century of Christianity in Russia]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. 873 p. (In Russian)
- 9 Shakhmatov, A.A. *Razyskaniia o russkikh letopisiakh* [Research on Russian Chronicles]. Moscow, Akademicheskii proekt, Zhukovskii, Kuchkovo Pole Publ., 2001. 880 p. (In Russian)

Информация об авторе: Алексей Аркадьевич Пауткин — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0166-4912>

E-mail: apautkin@yandex.ru

Information about the author: Alexey A. Pautkin, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, the 1-st corpus of humanitarian faculties, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0166-4912>

E-mail: apautkin@yandex.ru

Для цитирования: Пауткин А.А. Летописное известие о книжной деятельности Владимира Васильковича Волынского (опыт прочтения) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 307–318. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-307-318>

© 2022, А.А. Пауткин

For citation: Pautkin, A.A. “Chronicle News about the Scriptorium Activity of Vladimir Vasilkovich Volynsky (Attemption of Reading).” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 307–318. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-307-318>

© 2022, Alexey A. Pautkin